

Цена 20 коп.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

ГОРЬКИЙ, 5 июля (по телефону от наш. корр.), Сегодня в Горький приехали Илья Эренбург и Вл. Лидин. Писатели посетили автозавод им. Молотова. Илья Эренбург и Вл. Лидин ознакомятся с работой Балханинского бумаомонитора и ряда других крупных предприятий Горьковского края.

В последнее время значительно участились поездки в Горький московских писателей в связи с усиленной работой над историей Горьковского края, начатой по инициативе А. М. Горького и А. А. Жданова.

◆ Президиум ВЦИК присвоил звание заслуженного деятеля науки шахтесельбурску Н. А. Морозову, которому недавно исполнилось 80 лет со дня рождения.

Н. А. Морозову принадлежат свыше 150 научных трудов по астрономии, физике, высшей математике и химии. (Роста).

Литературная газета

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

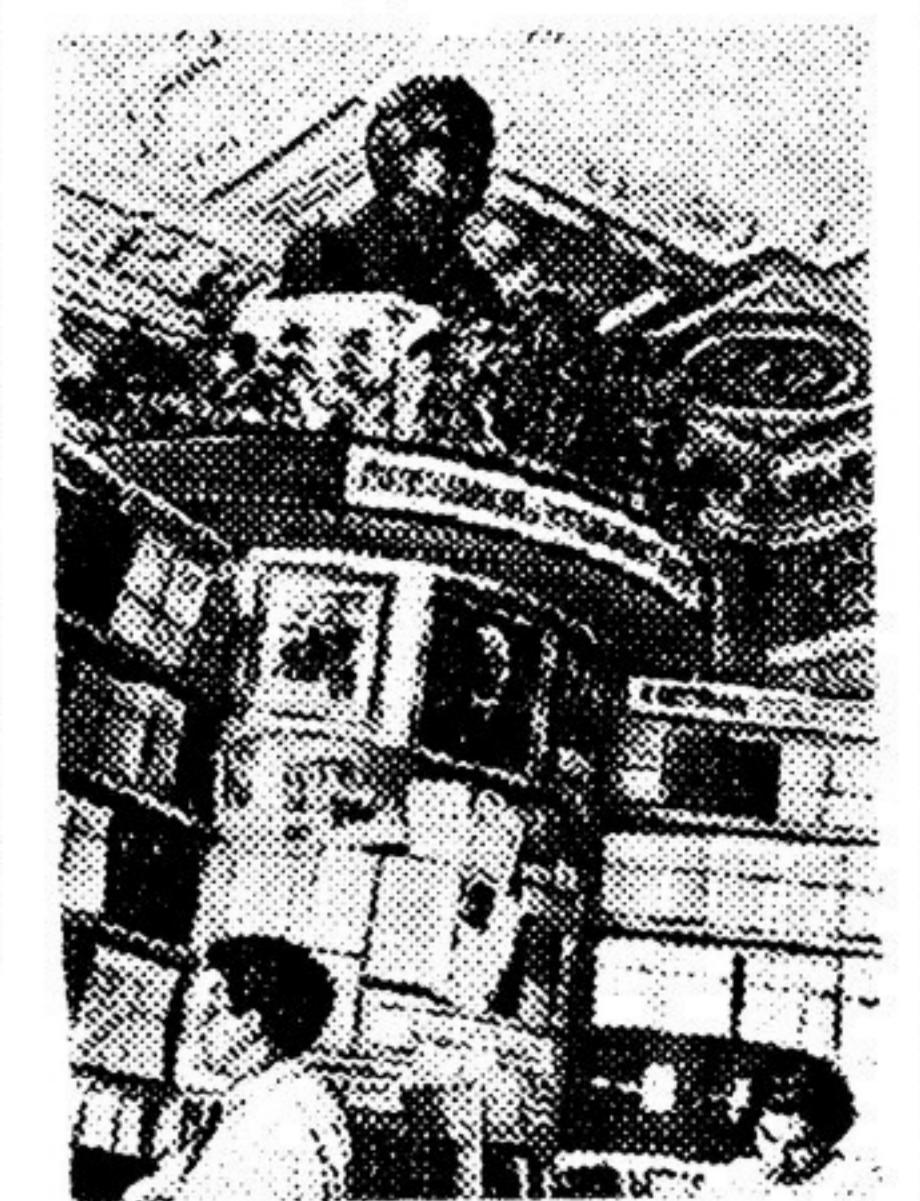
№ 85 (401).

6 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРИНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЧИЧА.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

Выставка «25 лет «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина» открылась в Институте философии Комиадемии. Разделы выставки: история книги, расположение буржуазной философии, история марксистской философии и развитие естествознания, история современная философия.

ДЕНЬ СССР

Сегодня народы Советского Союза празднуют 11-летие конституции СССР. Этот день является величайшем вехой на пути движения человечества к развернутому социалистическому обществу. Сбывается мечта лучших умов человечества об установлении такого государственного строя, таких отношений между народами, которые основаны на тесном сотрудничестве и братском единении.

«Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов — говорится в декларации об образовании Союза советских социалистических республик.

Братский союз народов страны Советов на основе диктатуры пролетариата, сплотивший вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов — говорится в декларации об образовании Союза советских социалистических республик.

Только в условиях диктатуры пролетариата, на основе свободного братского единения входящих в Советский союз народов, наступившего с момента превращения их из отсталых в края и области передовой индустрии и колхозного сельского хозяйства, превращение их в республики, в которых гигантскими шагами растет национальная на форме и социалистическая по содержанию культура.

Писатели Советского союза защищают в своих произведениях идеи диктатуры пролетариата, они рисуют борьбу за советскую власть на разных этапах ее развития.

Писатели Советского союза будут высоки держать знамя диктатуры пролетариата, защищать художественными средствами незыблемость конституции Советского Союза, обоих, как сказал т. Сталин, «сильнейших и мощнейших диктаторов на земле».

Что же касается работы для того,

чтобы в прах развеять последние остаться умирающим классом? Требуется уже юмор какого-то иного ка-

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Т. Е. Хвесин. Заместитель председателя Моссовета

О газетных мастерах и колхозных писателях

Не знаю, почему выбрали вы меня. Я сейчас знакомят не только русского читателя с произведениями писателей Белоруссии, Украины, Закавказья и т. д., но также белорусского, украинского читателя с лучшими произведениями русской литературы, теперь белоруссы переведут на свой язык произведения таджикских писателей, узбеки — грузинских и т. д.

Наступила пора подлинно товарищеского единения братских культур, национальных форм и содержания.

Капиталистическая «культура», «культура» существующего фашизма, с ее разрывом между народами, разлагает национальную ненависть, освещает своим законами колониальное рабство, погромы, уничтожение величайших завоеваний человеческого гения. Лучшие из писателей этой «культуры» в ужасе бегут от нее, они разоблачают продолжность государственно-установленных, обнаруживающих классовый характер их национальной политики и, естественно, обращают свои взоры к Советскому союзу. Они становятся друзьями нашей великой родины. Они рвутся в Советский союз, ибо наша культура, культура страны строящегося социализма, воплощает в себе все лучшее, все первое, в чему стремились лучшие умы человечества, утверждая свою месть на этом обществе, на культуре этого общества, на эшафоте, в каземате, на костре, на гильотине.

Хорошо, поговорим о них. Как и каждый из современных читателей, я жду от литературы, чтобы она раньше всего по-новому показывала мне нашу жизнь. Показывала своими средствами, разумеется. Но литература не удовлетворяет это требование. Я уже не говорю о том, что политические документы, публицистика, газеты ориентируют меня вполне и глубже. Это само собой разумеется.

Но отставание литературы от острых тем нашего дня не компенсируется художественностью.

Здесь надо сказать две оговорки.

Первая — о писателях, связанных с газетами. К нам эти обвинения относятся в меньшей мере. Советские фельетонисты и очерксты выполняют полезную работу и любими читателями. Крупнейшая фигура из них — Коликов. Он кроме того, что обладает широким политическим горизонтом, широкой осведомленностью и т. д., еще и очень талантливый писатель. Приходится пожалеть только, что в последнее время он чаще выступает как публицист, а не художник. Далее, Илья и Петров. Газетные вещи их очень хороши. Не менее хорошо книга «Двенадцать стульев». Что же касается «Золотого теленка», то это дело сложнее. Тоже хорошая книга, но на уровне «Двенадцати стульев». На уровне изменилось. Требуется уже юмор какого-то иного ка-

чество. Мне все-таки приятнее видеть Ильфа и Петрова в газете, чем в книге.

Из очеркристов назову Третьякова. Очеркристы обычно наполнены свежим материалом и легко читаются. Затем Сирюкова и ряд других молодых очеркристов.

Почему стал перепечатывать «Дон-Кихота»? А я часто перепечатываю классиков. Недавно перечитал «Мертвые души», «Историю одного города» и т. д. Получил огромное удовольствие. Да, на них время нашлось.

Что же, говоря прямо, кроме загруженности есть другие причины, — не случайные, но органические, по которым внимание к современной литературе несколько ослаблено.

Хорошо, поговорим о них. Как и каждый из современных читателей, я жду от литературы, чтобы она раньше всего по-новому показывала мне нашу жизнь. Показывала своими средствами, разумеется.

Но литература не удовлетворяет это требование. Я уже не говорю о том, что политические документы, публицистика, газеты ориентируют меня вполне и глубже. Это само собой разумеется.

Но отставание литературы от острых тем нашего дня не компенсируется художественностью.

Есть и другие хорошие книги на колхозные темы. Так что на этом участке справительство благополучно.

Но вот, стыдно сказать, Фабрика, автор, эта основная ячейка советского хозяйствства, в литературе долгожданного отклика не получила. Ведь наше предприятие применительно вовсе не узко понятой борьбы за выполнение производственных показателей только. На нем нет огромной культурно-политической работы. Где все это опи-сано? Может быть, я не читал таких книг, тогда назовите их мне.

Потом — тема советского города. Огромная тема. Мы перестраиваем наши города невиданными темпами. Такой процесс не может не менять быт и психологию людей. Это могло бы послужить темой для произведения еще более грандиозного, чем романы Золя о Париже. Частично написал об этом Авдеенко, но меня его вещь совершенно не удовлетворила.

Вот произведения на материале гражданской войны представлены у нас обильно. Сильнейшие из них, конечно, не следуют, но я как раз из тех мест, где происходит действие «Бруски», и мне языки их не кажутся странными.

Я знаю обвинения, выдвинутые против этой книги. Но основное — правильность изображения — мне кажется, в романе Панферова есть.

Прочинский говор в литературе вводить, конечно, не следует, но я как раз из тех мест, где происходит действие «Бруски», и мне языки их не кажутся странными.

Есть и другие хорошие книги на колхозные темы. Так что на этом участке справительство благополучно.

Но вот, стыдно сказать, Фабрика, автор, эта основная ячейка советского хозяйства, в литературе долгожданного отклика не получила. Ведь наше предприятие применительно вовсе не узко понятой борьбы за выполнение производственных показателей только.

На нем нет огромной культурно-политической работы. Где все это опи-сано? Может быть, я не читал таких книг, тогда назовите их мне.

Ну, в заключение, о наилучших мнениях писателей. Раньше все это Гоголь, которого я прочитал, конечно, всего. Потом Бальмонт. С ним можно спорить внутренне, но художественно он покоряет. Как замечательно он пишет, как лаконична, насыщена содержанием каждая его фраза. И еще люблю Японову...

Профessor Лина Штерн
Директор Института физиологии

Мастерство придет...

Сейчас у меня нет уже права сказать это о себе, но несколько лет назад за литературу Запада следила довольно внимательно. Книги советских писателей доходят до меня далеко не все, мешают загруженностью. Но все же я читаю их. Хорошо, попытаемся провести параллель...

Французская литература. Видите ли, это литература высочайшего мастерства, разумеется, но ведь одновременно и литература болезненно изощренного психологии, идейного опустошения, маргина. Не следуют преувеличивать разности уровней. Французы сплошь острумы. Это старая, прочно вошедшая в кровь культура острословия, легкости стиля делает их книги всегда занятными и приятно читаемыми. Но «Золотой теленок» Ильфа и Петрова написаны, по-моему, не хуже «Золотой теленок» — исключение, обычный уровень выходящих во Франции книг выше, чем у нас. Но, повторю, это мастерство, завершающее какую-то линию литературного развития, мастерство конца. И Пруста, например, а Пруст, бесспорно, высочайшая точка этой линии, читать мне становится в конце концов просто скучно.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого жанра, в котором Коликов выступает. Но вслед за Коликовым появляется все больше и больше. Вот стихи советских поэтов меня не пленяют.

Затем недооценена, кажется мне, советская публицистика. И это знают на Западе таких мастеров, как Михаил Коликов. Правда, здесь трубо склоняется, так как зарубежная пресса почти не знает этого ж

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА ОДНОЙ ЖИЗНИ

В своих исключительных по содержательности беседах А. М. Горький не раз высказывал мысль о том, как интересно и поучительно было бы изобразить в художественной обработке или даже просто описать душу советского человека различных профессий и положений.

Наши дни — особенные дни. Все они наполнены правдой революционной борьбы и удивительными творческими, все они полны жизни и сокровенных — главное — все они исполнены высокой мудрости жизни. Сам Горький как величайший художник нашего времени не только органически ощущает биение пульса нашей действительности, но он при этом является как бы материализованным образом, художественным воплощением мудрости и познания наших дней. Именно в этом единстве познания и мудрости заключается сила творчества Горького-художника.

Писатели префекта Киаппа

ПРАВДА О БЕЙСИК ИНГЛИШ

Вопрос о литературных еженедельниках стал сегодня во Франции вопросом актуальным. В деле Ставицкого народу с вывернутой наизнанку жизнью сегодняшнего Парижа вынывают имена журналистов, назывались газеты, в очень часто и литературные журналы. Упорно говорят, что руководители этого жанра литературной продукции, преодолевшие братья Кессель, вели с Сердем Ставицким переговоры о многомиллионном финансировании ряда этих еженедельников. То, что такие переговоры велись, и то, что человеку Жана Ставицкого стояло вложить несколько миллионов франков в подобное предприятие, лишилось смысла только, какое значение приобретают литературные еженедельники в сегодняшних Франции и какое влияние они оказывают на политическую, общественную и литературную жизнь, во всяком случае на все то, что этой жизнью пришло в Париж называть.

Внешний характер французских еженедельников совершенно отличен от всяких аналогичных изданий других стран. Французский литературный еженедельник — это в большинстве случаев еженедельная газета большого формата обесем в 20—30 газетных страницах. Содержание такой газеты пестро и разнообразно: здесь и политические статьи, и рецензии на выставки, и отчеты о скандальных процессах, сегодняшнего дня.

До войны Париж вообще не знал еженедельников — убогие ловчевые «Жиль Блан» и «Бю парижен» не счет. Все эти еженедельные газеты рождались спонтанно и пресущественно последней Европы, раздавленной несторотой парижских бульваров.

После войны, мгновенностью моментом распространения периодической печати Ашетт сочувственно относился к возникновению этих журналов. Ашетт может закрыть доступ в любой иностранного журнала, любой газеты, он может задушить любое французское издание. Каждому французскому левому изданию приходится выдерживать с Ашеттом целую борьбу за возможность распространения. Борьба с Ашеттом ведь довольно рискованная: несколько лет назад берлинский патристический журнал «Вельтбайон» посыпал поместье ряда статей, разоблачающих закулисные комбинации фирм Ашетта. За эту смелость «Вельтбайон» попала в черный список, старательно ведущийся в недрах ашеттовского концерна. В течение ряда лет достать в Франции «Вельтбайон» было делом невозможным. И потребовалась Гитлер, разгром журнала, перенесение редакции в Прагу и отправка последнего редактора «Вельтбайона» фон Оссиенского в концентрационный лагерь для того, чтобы Ашетт решился, наконец, забыть прошлые «грехи» и милостиво разрешить распространение в Франции, теперь уже пражской «Вельтбайон».

Один случай из тысячи. Большинство еженедельников, как мы уже говорили, как раза и пользуются особым покровительством Ашетта.

Итак, первыми родились «Les Nouvelles Littéraires», детище известного издательства энциклопедических словарей Лагонье. Академический тон, сухость стиля, реакционность мысли. Первый литературный еженедельник Парижа был менее всего парижским по духу и стилю. Первоначальный успех его стал уже меркнуть, когда летом 1934 года появился «Григорьев», гордо заявивший в рекламах, что он «академический». Издательство «Candid» создало прошлые «грехи» и милостиво разрешило распространение в Франции, теперь уже пражской «Вельтбайон».

Фактическим хозяином «Григорьева» стал киановский зять де Сарбусса, а сам журнал верным органом и рупором префектуры полиции.

Все эти годы «Григорьев» был неизменным застрелищем всех многочисленных антисоветских кампаний и выступлений во Франции. Список его ближайших сотрудников достаточно красочен. Разрешите их вам представить:

Коэз Фессель, друг Ставицкого, приближенный Киаппа, русский по происхождению, свой человек в русских белогвардейских кругах, автор бесчисленных антисоветских книг, очерков, кинофильмов, «писатель», пишущий по заказу и белогвардейского воинского союза и по заказу профектуры.

Следующий по импозантности — Жео Лондон; он работает на тех же двух хозяев с той только разницей,

что Кессель использует германские слова — сам Кипп, сам головой воинского союза, в то время как Лондон приходит удовольствия соединяться с Ашеттом. Это Ашетт распространяет целиком вагоны деревенской романтики Файара по французской провинции. Файар издатель вообще вполне современный — он тесно связан с французским фанцизмом, и несомненно, что «Симпайон» соратники Дюза, если не всегда под своим собственным именами, выивают немножко еженедельных гостин на дежурных гравюрах «Candid».

«Candid» старается откровенно проводить свою фашистскую линию во всем, в передовых, в литературных обзорах, в отчетах о банкетах. На страницах этой «литературной» газеты открыто восхищают фашистские демонстрации «развязывающие знамя отрядов «железного креста», чистые значки «патриотической молодежи».

Сын издателя Жан Файар, открытый фашист, неизменно упрашивается на страницах газеты в «большевике-воин», другие сотрудники посыпают новеллы в статьях пропаганды фашизма и «рубящуюся» Франции. И это преподносится не только в статьях, но и в рассказах, очерках, обзорах, даже в рецензиях.

Эти же мысли и стремления присутствуют и всем другим еженедельникам концерна Файара. Здесь мы находим международное обозрение печати «Je suis partout» (возникшая много позже «L»), стремящееся противостоять этому фашистскому журналу близкому ему по типу левый орга «Советский», рассматривая вопросы международной жизни, политики, культуры и литературы сквозь фашистскую линзу, на which следят коммунистический «Ric et Rac», предстающий сатирической и карикатурой на услужение фашистской Франции, и, наконец, «Pont à vous» — журнал французского мешанства.

Дела концерна Файара при благословении поддержке Ашетта идут, видимо, не плохо. Еженедельный тип четырех журналов Файара, говоря, достигает 2.000.000 экз. Влияние которых было парижским агентом парижской охранки Жан Якоби, автором антисоветских репортажей и книг, выраженных в духе «телеграмм от рижских корреспондентов».

Кроме этих столов есть еще сотни других сотрудников, у которых терпеться трудно определить, где кончается журналист и где начинается охранник.

«Магиап» стремится построить свою тираж на антифашистском читателе, и это ей в известном смысле удается. В короткий срок тираж ее достиг 500.000 экз. в неделю. Для нового журнала цифра весьма импонантная. Но тот антифашистский читатель, который идет в «Магиап», противостоящий против всех этих Gringoires, Candid'ов, «1934», ошибается.

В 1927 г. произошли два события, имеющие непосредственное отношение к судьбе парижских еженедельников. В этом году Киапп был назначен парижским префектом и скоро после этого возник «Gringoire», гордо заявивший в рекламах, что он «академический».

Последние годы родили новые еженедельники: католическое издательство «Pion» начало издавать еженедельник «1934», на страницах которого упоминаются различные французские и католические. Католическая и фашистская политика чередуются на страницах газеты с позициями единого кадра «королевских молодежи».

Последние годы родили новые еженедельники: католическое издательство «Pion» начало издавать еженедельник «1934», на страницах которого упоминаются различные французские и католические. Католическая и фашистская политика чередуются на страницах газеты с позициями единого кадра «королевских молодежи».

В «Дневнике» «Gringoire» достаточно красноречиво говорит состав его первых директоров: Король Суаре из «Темпс» — друг префекта Киаппа, Кессель из «Liberté», друг префекта Киаппа и господин De Carbuccia, директор издательства Edition de France (полицейской детективной и революционной литературы) — шурин префекта Киаппа.

Фактическим хозяином «Gringoire» стала киановский зять де Сарбусса, а сам журнал верным органом и рупором префектуры полиции.

Все эти годы «Григорьев» был неизменным застрелищем всех многочисленных антисоветских кампаний и выступлений во Франции. Список его ближайших сотрудников достаточно красочен. Разрешите их вам представить:

Коэз Фессель, друг Ставицкого, приближенный Киаппа, русский по происхождению, свой человек в русских белогвардейских кругах, автор бесчисленных антисоветских книг, очерков, кинофильмов, «писатель», пишущий по заказу и белогвардейского союза и по заказу профектуры.

Следующий по импозантности — Жео Лондон; он работает на тех же двух хозяев с той только разницей,

что Кессель использует германские слова — сам Кипп, сам головой воинского союза, в то время как Лондон приходит удовольствия соединяться с Ашеттом. Это Ашетт распространяет целиком вагоны деревенской романтики Файара по французской провинции.

Это издательство кроме книг издает и три еженедельных журнала: возникший в 1928 г. «Détective», появившийся двумя годами позже «Voile», и, наконец, самое молодое детективное.

«Détective» возник при прямом содействии и поддержке Киаппа, вследствие чего он попытывается извлечь из глазах парижин, будь то в форме описаний героями агентов полиции по защите «свободы безопасности», будь то в форме благородных базаров под патронажем самого малам Киаппа. Заметив, сколькими же страданиями редакторов «Détective» пропали даром: французская окраска, ни философское обоснование затвора Огдена. Между тем эта окраска и это обоснование совершенно определены и неизвестны. Бейсик Инглиш — пытливый следчик английской языка и с этой целью упрощает его до такой степени, чтобы всякий человек мог его усвоить в результате «одного же сеанса серийной работы». Для этого же запас английских словведен в 850, причем исключены все слоги, которые шестнадцати самых элементарных (быть, иметь, ставить, говорить и т. п.). Все прочие глаголы передаются через перифразу, и всякий слово, которое можно разложить на более простые элементы, перефразировано.

Особенность Бейсика Инглиша — это совершенно новое понятие о языке, которое он не становится, а создает. И это неизвестно. Бейсик Инглиш — пытливый следчик английской языка и с этой целью упрощает его до такой степени, чтобы всякий человек мог его усвоить в результате «одного же сеанса серийной работы». Для этого же запас английских словведен в 850, причем исключены все слоги, которые шестнадцати самых элементарных (быть, иметь, ставить, говорить и т. п.). Все прочие глаголы передаются через перифразу, и всякий слово, которое можно разложить на более простые элементы, перефразировано.

Этот же полиский язык — это язык, который не знает никаких лингвистических ограничений, в то время как в «Литературной газете» есть ограничения, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

«Литературная газета» — это газета, которая не знает никаких ограничений, которые определяются не только языком, но и социальными и политическими факторами.

В № 81 нашей газеты была напечатана статья А. и Т. Литвиновых «Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

«Бейсик Инглиш и современная английская проза». Редакция считает необходимым вернуться к этой статье, ибо она, по меньшей мере, односторонне освещает вопрос.

ДИЕГО РИВЕРА—РЕНЕГАТ

Диего Ривера, известный и когда-то значительный коммунистический художник, украсивший стены министерства народного просвещения Мексики прекрасными революционными фресками, перебежавший потом в контрреволюционный троцкистский лагерь, теперь, настолько активно ратует за «IV интернационал». Троцкий и неоднократно публично выступает против Коминтерна и компартии Мексики в США.

Диего Ривера создавал значительные произведения искусства, пока его художественный талант пытался смысами мексиканской революции и идеями коммунизма. Его фрески вызвали «ренессанс» стенной живописи не только в Мексике, но и далеко за пределами этой страны.

Мексиканская буржуазная революция (1910 г.) не претерпела под руководством пролетариата и поэтому не выполнила своей исторической задачи — борьбы против империализма и феодализма. В идеологической прямотности даже лучших фресок Диего Ривера оказывается как следствие такого характера мексиканской революции, вульгарно-материалистического мировоззрения и творческого метода мелкобуржуазного революционного художника.

Такая идеологическая противоречивость и неопределенность художника таила в себе с самого начала возможности и опасности ренегатства. К тому же он не избежал в своих остатках смысла скептицизма типа Ницкса.

Так прежний революционный художник стал «придворным» художником и при дворном шутом американских миллиардеров Рокфеллеров, Моргана, Форда. И Диего Ривера был в первых рядах тех, кто для Рокфеллеров в Чикаго и Форда в Детройте

А. ДУРУС.

„СТРОГИЙ ЮНОША“

Новое произведение Ю. Олеши

Общую мысль всех присутствовавших на обсуждении в Доме советского писателя нового произведения Олеши «Строгий юноша» ожидать форсировал т. П. Юдин:

— Олеши оправдал ожидания его друзей: он построил длинный мостиком, дал всем большой художественный силы, значительного философского содержания.

Аналогичны были и высказывания т. В. С. Мейерхольда, А. Гадеева, Д. Мирского, В. Кирпотина, Г. Корабельникова, А. Суркова, кинорежиссера А. Романа др. Все говорили о дерзании большого художника Олеши, о мужественном понимании приподнять занавес над близкайшим, реально осязаемым будущим, нащупать проблему моральных взаимоотношений в бесклассовом обществе, отправляясь от сегодняшней конкретной действительности СССР.

Но именно потому, что это, собственно говоря, первая у нас попытка поставить столь смокную и новую проблему в художественной литературе, «Строгий юноша» не мог оказаться произведением безупречным. В нем есть «глухости». Так, по мнению т. Кирпотина, отчасти и В. Шлопского, основная линия произведения — молодежная, комсомольская — вышла несколько абстрактной. Не совсем четко проступают новые чувства и отношения в том, что «третьем комплексе ГТО», который выдвигается главным гером Гришиной Фокиной как некий сподвижником моральных норм, обязательных для аучечных комсомольской молодежи.

Страстные дебаты вызвал вопрос о форме нового произведения Олеши. Писатель обещал свою замысел в форму сценария (постановка его поручена режиссеру А. Рому). Между тем подавляющее большинство выступающих настаивает на том, что «Строгий юноша» вовсе не отличается типичными особенностями киносценария, что это вполне самостоятельное художественное произведение, которое только выиграло бы, если бы Олеши «не гимнографил его под сценарий», как выражалась Шлопская.

Особенно непримиримую позицию заняла в этом смысле т. Мейерхольд.

Я. З. МАН.

Книга и армия

Два года назад библиотека Н-ского стрелкового полка Пролетарской дивизии ютилась в какой-то настежь склоненной пристройке при лагерной кухне, всю «вильчатую» составляли две-три грубо сколоченных стола, необструганные скамейки под стоящими от ветра дырявым наивесом. Сейчас полковая библиотека заняла две комнаты в левом крыле клуба и кое-каким убранным веранду. Книголюб и энтузиаст, библиотекарь полка т. Штетинкин забочится о пополнении полок, о том, чтобы в закрытой и открытой читальне было уютно и хорошо. Тов. Штетинкин входит в комитет клуба. Ему доверены не только книги, но и винтовки всей команды.

Это набитый пример: винтовка — книга, но когда видишь в углу внимательно проницанные в глаза книги, когда видишь на полках друг к другу припрятанные книги, — этот физически осознаваемый символ воинства.

В армии любят и ухаживают за оружием и книгой. С каждым днем читательская база Красной армии расширяется. В армии воспитываются и растут не только воинственные командование, певцы, музыканты, художники, поэты, изобретатели, но и читатели. Многие бойцы научились читать и любить книгу в армии.

30 июня Московской Пролетарской дивизии был дан старт художественной самодеятельности своих подразделений. В этот день мы были свидетелями торжества принципа равномерного развития человеческих до-

ЗАКОНЧЕНА ЧИСТКА ПАРТИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ ХАРЬКОВА

От нашего харьковского корреспондента

украшал их стены фресками. Правда, дело не обошлось без некоторого скандала, потому что Диего Ривера нарисовал у Рокфеллера в одной из своих фресок большую голову Ленина как символ пролетарского интернационализма и пролетарской солидарности. В этой работе у Диего Ривера в последний раз показали пролетарскую революционную советскую художника. Однако с полным правом Диего Ривера харacterизовал в начале 1932 г. нарисованные в Сан-Франциско социал-фашистские фрески Диего Ривера как « капитуляцию » перед буржуазией и « вульгарное прославление американского капитализма ».

Известие, что этот художник с лозунгом « деньги и нефть не пахнут » полностью отдался контрреволюционному троцкизму, на сиюминутном удивило. Конечно, и он выступает с «левыми» фразами и пытается, как и Троцкий, « социалистически маскировать свое фашистское лицо. Напрасные потуги! Но его челе написано предательство.

Как художник, он этим сам себя вырвал могилу. Последние годы можно было наблюдать, как быстро снижался творческий уровень его произведений. Вместо прежней ясной и единобразной, широко заумной монументальной композиции он спускался за рялом разменивался на пустяки и нагромождал несущественные и мелочные детали. Это падение искусственного ренегата нас не поражает. На новой волне рокфеллеровской и троцкистской социальной реакции не может процветать истинное большое искусство. Презрение пролетариата всех стран обусловлено этому троцкистскому художнику « социальной реакции ».

В числе исключенных — бывший президент ВАПЛЕНТЕ М. Кулиш, тесно связанный своей прошлой деятельностью с националистами (система

закончилась чистка писательской партии выразена им в таких произведениях, как «Народный Малакин», «Патетическая соната» и др.), бывший вице-президент ВАПЛЕНТЕ Г. Элик, поддерживавший теснейшую связь с Хмельским и другими националистами и не признавший до конца своих националистических ошибок. П. Иванов, проявивший полнейшую пассивность в борьбе с национализмом, и др.

Созданная погода называл партийной организацией писателей и комитетом успел развернуть за это время углубленную работу среди писателей-коммунистов: партийники и вся писательская организация вели жестокую борьбу с национализмом, на заседаниях парткомитета систематически заступались за индивидуальные творческие открытия писателей-коммунистов, повысилась партийно-политическая грамотность, заметно увеличилась активность и т. д.

Однако, — как констатировал на заключительном заседании председатель комиссии т. Чередник, — в работе парткомитета есть еще ряд весомых слабых сторон. Так, далеко не удовлетворительной работой с комсомольцами и беспартийными писателями, недостаточной борьбой с остатками группировки, рабочими, литераторами, националистами, с богемией, комичностью, эзотерицизмом и др.

Ярким показателем этой активности и огромного политического значения чистки может служить письмо, посланное группой беспартийных писателей ЦК КП(б)У т. Коссию и Печатину.

Нет сомнения, что харьковская партийная организация писателей, несколько уменьшившись количественно, но качественно улучшилась, очищенная от этого чуждого, враждебного настоличного и настойчивого предательства.

На снимках: справа — кабинет А. Н. Скрябина; слева — вверху портрет А. Н. Скрябина, внизу — комната, посвященная друзьям, современникам и исполнителям произведений А. Н. Скрябина.

Книжная выставка

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АКАДЕМИЯ» ВЫШЛИ:

• Марат, «Памфлеты». Книга содержит избранные статьи Марата, а также редчайшие брошюры и памфлеты дореволюционной эпохи и периода 1789—1793 гг.

Для книги использована богатейшая коллекция Марата ИМЭЛ и коллекция Национальной библиотеки в Париже. В таком полном виде «избранные статьи» не издавались до сих пор даже на французском языке. Редакция и вступительная статья т. Фридлянд.

• «Неизданная проза» Валерия Брюсова вышла в ГИХЛ. В книге «Онтиер, повергенный» и фрагменты исторических рассказов.

• «Искусство советской Туркмении» очерк Е. Журавлевой и В. Чепелева, издан ИЗОГИЗ.

• «Вершины счастья» — пьеса Д. Дос-Пасоса, в переводе В. Стенича, выпущена в ГИХЛ.

• «Ленкорань» — книга И. Соколова — Минкова, выпущена в Издательстве писателей в Ленинграде.

• «Жизнь зовет» — новая пьеса В. Билья-Белоцерковского, рекомендованная к постановке жюри все-съюзного драматургического конкурса, вышла в ГИХЛ.

• «Персидские народные сказки» — перевод, примечания и вступительная статья Ярослава Смирнова.

• «Бомарше» — трилогия («Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро», «Приспаниная мати»).

• «Серавантес, «Дон-Кихот», издание 3-е».

• Е. Штокеншнейдер, «Мемуары».

Книга содержит ценный материал для характеристики общественного движения в России конца 50-х и 60-х гг. Штокеншнейдер сумел дать чрезвычайно интересные зарисовки ряда крупных писателей, с которыми она встречалась: на позициях рабочего класса, с быстрым ростом идейного и художественного уровня их творчества (С. Чиковани, И. Мосавалиев, Г. Табидзе, С. Карадзини, Н. Мирзанидзе, С. Шаншиашвили и др.). Беспринятые событкоги писатели за последние два года дают произведения, свидетельствующие об утверждении этих писателей на позициях рабочего класса, с быстрым ростом идейного и художественного уровня их творчества (С. Чиковани, И. Мосавалиев, Г. Табидзе, С. Чиковани и др.).

• «Репертуарный указатель советских и заграничных немых и звуковых фильмов, разрешенных Главпотребконтролем к демонстрации» — перевод Я. Гомберга, издан Издательством ГИХЛ.

• «Репертуарный указатель советских и заграничных немых и звуковых фильмов, разрешенных Главпотребконтролем к демонстрации» — перевод Я. Гомберга, издан Издательством ГИХЛ.

Рис. Ю. Гурвича

Одесса. Бульвар Фельдмана. Памятник Пушкину.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.

В апреле 1912 г. к владельцу маленького особняка по Б. Николо-Песковскому перешел А. Н. Скрябин и попросил у него домик в аренду.

— На сколько лет? — осведомился владелец.

— На три года. Большой трех лет я здесь не проживу...

— Сказаные в шутку слова оказались пророческими. Три года спустя композитор скончался в санатории им. ИМ. СКРИЯБИНА.

В музее сохранены все вещи, принадлежавшие композитору, и воспроизведена вся обстановка, среди которой он жил и творил.

Музей насчитывает до четырех тысяч экспонатов (многие из них являются уникальными).

С нынешнего года организуется специальная музыкальная аудитория, где посетители под руководством музыковедов смогут познакомиться с личностью и творчеством одного из своеобразнейших и крупнейших представителей предреволюционного музыкального искусства.

На снимках: справа — кабинет А. Н. Скрябина; внизу — вверху портрет А. Н. Скрябина, внизу — комната, посвященная друзьям, современникам и исполнителям произведений А. Н. Скрябина.

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

(Письмо из Тифлиса)

С

Недавно в Тифлисе происходила расширенный плenum союза советских писателей Грузии. Пленум заступил доклад председателя ССРП т. М. Торошелидзе об итогах творческой деятельности на литературном фронте.

На основе анализа творческой продукции грузинских писателей по-следнего периода тов. Торошелидзе констатировал творческую активизацию всех основных групп грузинской советской литературы. Лучшие представители доярской тифлисской художественной интелигенции своим новыми произведениями доказали, что они решительно повернули в сторону пролетарской революции и стремятся своим творчеством участвовать в борьбе за победу социализма (М. Джавахишвили, Л. Кичавели, Ш. Раджане, С. Шаншиашвили и др.). Беспринятые событкоги литературы, со временем, в частности со временем творчества А. Н. Скрябина, за последние два года дают произведения, свидетельствующие об утверждении этих писателей на позициях рабочего класса, с быстрым ростом идейного и художественного уровня их творчества (С. Чиковани, И. Мосавалиев, Г. Табидзе, С. Чиковани и др.).

Документы

Идеиные срывы замечаются в творчестве наших пролетарских писателей (К. Кападзе, П. Нареушишвили и др.).

В последней части своего доклада т. М. Торошелидзе охарактеризовал грузинскую литературу как военно-оборонную и детскую литературу.

После доклада т. Торошелидзе выступили представители союза советских писателей Абхазии, Юго-осетинской Азербайджана и др. более сотни рассказов, фельетонов, стихотворений. В настоящее время Лебедев работает над книгой под названием «Вчера и сегодня», ГИХЛ предполагает выпустить сборник избранных произведений.

В июле этого года исполняется 75-летие со дня рождения И. И. Лебедева, который по спасительности счи-

тается «пионером крестьянской драматуриги».

И. И. Лебедев написал 27 пьес:

«Народный учитель» («Боязь коровки»),

запрещенный царской цензурой;

«Дуньинка кавыра» («Гололед» и др.);